

Галина
КОЛОСКОВА

ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ
Растопи
МОЕ СЕРДЦЕ

Галина Колоскова

После измены.

Растопи моё сердце

<https://litres.ru/74696374>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Здравствуйте, — девушка-консультант подходит к нему с профессиональной улыбкой. Молодая, светловолосая, с блокнотом в руках. — Решили ещё один диван купить? Как вам тот служит?

Я смотрю на мужа. Антон спокоен, как удав. Руки в карманах брюк, взгляд скользит по витринам.

— Вы меня с кем-то перепутали, — отвечает, глядя в сторону.

Консультант не отступает, не связывая нас с Антоном между собой.

— У меня идеальная память. Вы просто забыли, кто вас обслуживал, — консультант улыбается, обращаясь ко мне. — Хотите, я предложу вам такой же, как покупал молодой человек? На нём даже его беременной жене лежать было удобно.— Она возвращается к Антону. — И за кроваткой для малыша потом к нам приходите.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Галина Колоскова

После измены.

Растопи моё сердце

Пролог

Софья

В мебельном салоне пахнет деревом и дорогим текстилем. Этот запах всегда казался мне уютным обещанием дома. Сейчас он душит неприятным предчувствием. Хожу между рядов мягкой мебели. Антон в стороне. Предоставил мне право выбора, а сам что-то печатает в телефоне.

— Здравствуйте, — девушка-консультант подходит к нему с профессиональной улыбкой. Молодая, светловолосая, с блокнотом в руках. — Решили ещё один диван купить? Как вам тот служит?

Я смотрю на мужа. Антон спокоен, как удав. Руки в карманах брюк, взгляд скользит по витринам.

— Вы меня с кем-то перепутали, — отвечает, глядя в сторону.

Консультант не отступает, не связывая нас с Антоном между собой.

— У меня идеальная память. Вы просто забыли, кто вас

обслуживал, — консультант улыбается, обращаясь ко мне. — Хотите, я предложу вам такой же, как покупал молодой человек? На нём даже его беременной жене лежатьбыло удобно. — Она возвращается к Антону. — И за кроваткой для малыша потом к нам приходите.

Воздух выходит из лёгких. Сразу, в одну секунду. Грудная клетка сжимается, будто кто-то поставил ногу на рёбра. В ушах шум, но я слышу каждое слово, выпадающее из её рта.

Беременной. Удобно. Кроватка. Для малыша.

— Мы... — голос не мой, чужой, хриплый. — Мы не ждём ребёнка.

Консультант бледнеет. Переводит взгляд с меня на Антона. Его лицо — мраморная маска. Ни тени эмоций. Только желваки ходят под скулами.

— Простите, я, наверное, перепутала... — лепечет девушка.

— Не перепутали, — Смотрю на мужа, который молчит. Ждёт, когда я сделаю первый ход. Всегда так: я должна первой закричать, первой ударить, первой разрыдаться. А он потом благородно объяснит, что я всё не так поняла.

— Ан-тон... — произношу его имя по слогам. — Значит, не зря я подозревала.

Он усмехается. Эту усмешку я знаю — снисходительную, мужскую. «Что ты, глупая, могла понять».

— Пойдём, — берёт меня под локоть. — Не здесь.

Я выдёргиваю руку. Иду за ним к выходу, чувствуя спиной

взгляды продавцов. На парковке, у машины, поворачиваюсь к нему.

— Лена? Та беременная Лена из твоего отделения? Вас видели вместе!

— Да, — говорит без заминки. — Я хочу мальчика.

Слова врезаются в сердце, как зазубренный нож. Хочу мальчика?.. Не «так вышло», не «это было ошибкой». Хочет!

— И Лена родит мне сына, — продолжает он. — А ты только на девчат способна.

Пальцы сжимаются в кулаки. Ногти впиваются в ладони.

— Я не собираюсь тебя бросать, — он говорит это так, словно делает мне одолжение. — Меня хватит на две семьи.

Внутри всё замирает. А потом взрывается. Я чувствую, как кровь приливает к лицу, как немеют кончики пальцев. Но голос — спокойный, даже тихий.

— О, нет! Только без меня! Я не собираюсь быть старшей женой в твоём гареме. Антон.

Он смеётся. Открыто, громко. Облокачивается на крышу автомобиля, рассматривает меня, как забавную картину.

— Кому ты нужна с двумя девчонками? Художница... Кто тебя кормить будет?

Вот оно! Главное, что он думает. Надоевшую игрушку можно выбросить, когда надоест. Или придержать, если больше нечем заняться.

— А ты на что? Алименты в нашей стране никто не отменял, — язвительно парирую, хотя ответ знаю заранее.

— Забыла, кем Лена работает? — он наклоняет голову.
— Бухгалтером... Выпишет мне справку с такой зарплатой, как надо. И получать ты будешь копейки.

Он делает шаг ко мне, близко, почти вплотную.

— Или вообще девчонок заберу. И ничего платить не надо будет.

Мир сужается до его лица. До знакомого каждой морщинкой, красивого, но теперь чужого лица. Забрать? Моих девочек?.. Мою Алису и мою Машу! Сказать им, что мама не нужна, что она — никто!

— Квартира мамина, — он добивает меня этой фразой.
— Её никто делить не станет. Выставлю тебя с мольбертом за порог. И живи как хочешь.

Пауза. Он ждёт. Ждёт, что я расплачусь, начну умолять не делать этого. Но ничего не происходит и голос из снисходительного становится злым:

— Гордая? Если не устраивает жизнь на две семьи, можешь назад в детский дом возвращаться!

Я поднимаю голову. Смотрю ему в глаза. Секунду. Две. Три.

— Антон, — говорю очень тихо. — Ты прав.

Он расслабляется. Улыбается. Думает, что сломал.

Продолжаю:

— Я — нищая художница, что не может подарить тебе сына. И которая больше тебе не нужна...

Разворачиваюсь и иду. Не к его машине, а прочь, чувствуя

спиной его взгляд. Он не окликает. Уверен, что я остыну, вернусь, поползу на коленях. Уверен, что я никуда не денусь.

Сажусь в такси у выхода из торгового центра. Называю адрес детского сада. Водитель смотрит на меня в зеркало, но ничего не спрашивает. Наверное, всё понятно по моему лицу.

Воспитательница удивлена — я пришла на два часа раньше.

— Мама! — Маша бросается мне на шею, обнимает тонкими руками. Любимая девочка пахнет кашей и пластилином. — Ты рано! Мы пойдём гулять?

— Пойдём, — отвечаю, крепко прижимая её к себе. — Мы поедем далеко-далеко. К тёте.

— Поедем? — Алиса подходит медленнее, смотрит на меня настороженно. Ей пять, но она слишком умная для своих лет и наблюдательная. — А папа?

— Папа останется. — Смотрю с отчаянием в глазах. — Мы поедем одни.

Она смотрит на меня долго. Потом кивает. Идёт к шкафчику, достаёт свою куртку, сапоги. Молчит. Я знаю — она всё поняла. Или не всё, но достаточно.

Мы едем домой на такси. Маша поёт, радуется, что забрали раньше. Алиса смотрит в окно, держит меня за руку. Я сжимаю тонкие пальчики и чувствую, как они дрожат. Моя девочка. Мамина защитница.

Дома я действую быстро. Паспорт, свидетельства о рож-

дении, документы на квартиру — всё в ящике, где я их и хранила. Антон даже не знает, где этот ящик. Ему никогда это не было интересно.

Собираю вещи. Не всё — только самое нужное. Одежду, обувь, игрушки, которые девочки любят больше всего. Мольберт, краски, кисти. Всё остальное оставляю.

Маша помогает — складывает в пакет своих зайцев, смотрит, чтобы никто не потерялся. Алиса стоит у окна, смотрит на улицу.

— Мам, — произносит со скрытой надеждой. — А папа придёт?

Какому ребёнку не хочется жить с двумя родителями, хоть они и постоянно скандалят.

— Нет, — отвечаю. — Папа не придёт. Мы уезжаем.

Она кивает. Спрашивает:

— Навсегда?

— Навсегда.

Алиса молчит. Потом идёт к своему шкафу, достаёт самый любимый рисунок — наш дом, солнце, три берёзы. Кладёт в рюкзак. Сверху — свою закладку для книг, которую делала в садике. Больше ничего не берёт.

Я звоню тёте Наде. Она отвечает после второго гудка, голос сонный, но слышу, как она меняется, когда понимает, что я говорю.

— Приезжай, девочка моя. Жду. Дом большой, места всем хватит. Помни, Софья, ты не одна.

Я заказываю такси до вокзала. Билеты покупаю через приложение, пока жду машину. Краснодар — оттуда электричка до станицы. Оттуда — до тёти на автобусе. Там нас не найдут, и никто не спросит, почему я одна. Там примут.

Выхожу из подъезда с двумя чемоданами, рюкзаком, мольбертом и двумя девочками, держащимися за подол моего платья. Соседка, тётя Галя из тридцать второй, сидит на лавочке, смотрит на меня, качает головой, но ничего не спрашивает. Только вздыхает:

— Бог тебе поможет, дочка.

Водитель помогает загрузить вещи.

Маша уже устала, прижимается ко мне, засыпает на руках. Алиса сидит рядом, смотрит в окно на дома, уплывающие назад.

— Мам, — спрашивает с тоской. — А мы вернёмся?

Приходится отвечать правду:

— Нет. Мы теперь будем жить у тёти. Там река, сад, куры. Там хорошо.

— А папа?

— Папа остаётся здесь. У него теперь другая семья.

Она молчит, переваривая детским умом, как папа мог их с Алисой поменять на кого-то. Решает с обидой в голосе:

— Тогда я не хочу к нему.

Глаза на мокром месте. Обнимаю её, прижимаю к себе. Она не плачет. Моя девочка не плачет. Она сильная. Как я. Как я когда-то в детдоме, когда поняла, что никто за мной

не придёт, и решила, что выживу сама.

Но теперь я не одна. Теперь у меня есть они. И есть тётя, не знавшая о моём существовании долгие годы. И есть станция, где я когда-то была счастлива. Где, может, смогу найти себя снова.

Маша сопит у меня на плече, Алиса смотрит в окно. Я гипнотизирую телефон. Антон не позвонил. Не написал. Наверное, уже у Лены. Или у себя в офисе. Думает, что я остыну, вернусь, поползу, никуда не денусь.

Он слишком плохо меня знает. Я умею выживать в любых обстоятельствах.

Вокзал встречает шумом и запахом кофе. Покупаю билеты до Краснодара, сажаю девочек на скамейку, сама стою рядом, смотрю на табло. Через сорок минут отправление. Сорок минут — и я больше никогда не вернусь в этот город.

Звоню тёте Наде ещё раз. Говорю, что мы выехали. Она спрашивает, где Антон.

— Не знаю, — отвечаю. — И не хочу знать.

— Правильно. Приезжай. Здесь твой дом.

Смотрю на девочек, на чемоданы, в которых вся наша жизнь. И чувствую — не страх. Не боль. Не обиду.

Я больше никогда не позволю никакому мужчине решать мою судьбу. Никому не позволю забрать моих детей! Никогда не вернусь туда, где меня не ценят!

Объявляют посадку. Беру чемоданы. Девочки держатся за выдвижные ручки. Мы идём к поезду. В новую жизнь. Туда,

где нас ждут.

Я не оборачиваюсь. Потому что прошлому не место в моём будущем.

Глава 1

Владимир

Город остался за спиной три месяца назад, а я всё ещё ловлю себя по утрам — ищу глазами высотки на горизонте. Здесь вместо них сады, виноградники и небо. Бескрайнее, яркое, южное.

Я родился в этой станице. Вырос, убежал в Краснодар строить бизнес. Вернулся — и будто попал в чужую жизнь. В ту, которую когда-то выбрал отец.

Иван Петрович, фермер, каких поискать. Всю жизнь на земле, с рассвета до заката. Мама называла его «земляным человеком». Не в обиду — с любовью. Он и правда умеет разговаривать с почвой. Знает, когда сеять, когда поливать, когда просто подождать. Мама была ему опорой. Дом, сад, огород, скотина — всё на ней. И никогда не жаловалась.

Маму похоронили через месяц после отцовского инсульта. Сердце не выдержало. За неделю до смерти она попросила: «Володя, что бы ни случилось, не бросай отца». Словно предчувствовала. Я обещал. И слово держу.

Она ушла тихо, во сне. Я приехал в станицу за день до её смерти — услышал, что отцу хуже. Мама встретила на пороге, обняла. «Сынок, я так устала». Я не понял тогда, о чём она. Думал, про уход за отцом. Нелегко в её возрасте ухаживать за крупным мужчиной. Ворочать его каждый день. А

она — про жизнь. Свою. Закончившуюся в день, когда отец-слёг.

На похороны Лариса, моя жена, не поехала. Сказала, не может бросить работу. Я не спорил. Тогда мне было не до споров.

Через неделю переезжаю к отцу в станицу. Насовсем. Не могу оставить его одного в доме, где каждая стена, каждая вещь напоминает её. Сиделка не заменит тепло родного человека. И сам не представляю, как жить в городе, зная, что он здесь лежит, ждёт, смотрит на дверь.

Лариса едет со мной. Почти всю дорогу молчит. Сидит на переднем кресле, смотрит в окно, крутит в нервных пальцах телефон. Таня на заднем сиденье, прижимает рюкзак с игрушками. Ей только недавно исполнилось девять.

— Надолго мы там застрянем? — спрашивает Лариса, когда сворачиваем с трассы на станичную дорогу.

— Насовсем.

Она поворачивается ко мне. В больших глазах — непонимание. Потом ужас и что-то, чему не придаю значения. А зря.

— Как насовсем? — высокий голос становится тонким, почти детским. — Володя, у меня работа! Клиенты... Я не могу взять и всё бросить!..

— А я могу бросить отца?

Она замолкает. Отворачивается к окну. И не говорит ни слова до самого дома.

Дом родителей — крепкий, кирпичный, с высокими потолками, с террасой, выходящей в сад. Мать любила этот дом. Говорила, что здесь каждая стена дышит воспоминаниями об их с отцом жизни. Лариса, когда мы только поженились, приезжала сюда на выходные, улыбалась, помогала накрывать на стол. Потом поездки становились всё реже. Постоянные отговорки: «Володя, ну что мы туда поедём? Опять эти куры, грядки... Я хочу отдохнуть от рабочей недели. Сходить в нормальный ресторан, в кино».

Несколько лет я ездил вдвоём с Таней. Мать вздыхала, но ничего не говорила. Отец молчал, только глаза становились жёстче.

Мы въезжаем во двор, Лариса выходит из машины, оглядывается. Сад, яблони, виноград, георгины у крыльца. И тишина. Такая глубокая, что звон в ушах.

— И как здесь жить? — спрашивает недовольным голосом. Не у меня — у воздуха.

— Привыкнешь.

Привыкать она не собирается.

Первые дни ходит по дому, как по музею. Трогает стены, окна, мамины вышивки. Потом замыкается. Почти не выходит из комнаты, когда-то бывшей моей. Почти не выпускает телефон из рук, смотрит городские новости, листает ленту.

— Ты бы вышла, — предлагаю, понимая, что добром это не кончится. — Воздухом подышала.

— Каким воздухом? — она кривит губы. — Здесь воняет

навозоми грязью.

Она не замечает цветущих роз, благоухание спелых ягод, фруктов. Чей густой аромат переполняет каждый метр вокруг. Чувствует только то, что хочет чувствовать.

Через неделю заявляет, что ей нужно в город. По делам. Я отвожу её на трассу, сажаю на автобус. На лице брезгливое недовольство не привыкшей к общественному транспорту фифы. Удивляюсь, когда успела стать такой неженкой? Она целует Таню, торопливо, не глядя, и уезжает.

Возвращается через три дня. Ещё более чужая, ещё более злая.

— Володя, я не могу здесь жить! — объявляет, едва мы остаёмся одни. — Я задыхаюсь здесь. Ты понимаешь? Я не для этого рождена.

— А для чего?

— Для города. Для полноценной жизни. А здесь — существование. Твоя мать всю жизнь здесь просидела, и что? Умерла, и никто не заметил...

Всему есть предел! Моему терпению тоже. Беру её за плечи. Цежу, глядя в бегающие глаза, спокойно, хотя внутри всё кипит:

— Не надо про маму...

Она вырывается. Отходит к окну, поворачивается спиной ко мне.

— Я не останусь здесь, Володя! Я не смогу. Выбирай: или я, или твой отец!

Я выбираю отца. Не задумываясь. Не потому что не люблю Ларису. Потому что знаю: если оставлю его, он не проживёт и месяца. А Лариса без меня — справится. На душе тяжело, но знаю, что уговаривать её бесполезно. Неженка даже не пытается приспособиться к новой жизни. «В горести и радости... пока смерть не разлучит нас...» — не про неё. И на цепь не посадишь.

Она уезжает на следующий день. Собирает чемодан. Помогаю загрузить его в багажник. Таня стоит на крыльце, смотрит, как мать садится в машину.

— Мама, ты скоро вернёшься? — спрашивает дочка.

Лариса смотрит на неё. В глазах — лёгкое раздражение от неудобства иметь большого ребёнка.

— Я позвоню, — роняет после секундного замешательства. И уезжает.

Танюша не плачет. Стоит за калиткой ещё минут десять. Маленькая ладошка козырьком приложена ко лбу. Дочь глядит на пустую дорогу. Потом возвращается в дом, пристраивается на углу дивана, включает телевизор. Я сажусь рядом, обнимаю. Она не отстраняется, но и не прижимается. Спрашивает с надеждой:

— Пап, она не вернётся, да?

— Вернётся, — вру.

— Не вернётся... — обречённо вздыхает Таня.

И я понимаю, что она знает мать лучше меня.

Через месяц приходит письмо от адвоката. Лариса пода-

ёт на развод. И на алименты. Требуется треть моих доходов. В письме сухо, по-деловому: «В связи с невозможностью дальнейшего совместного проживания...», «в соответствии со статьёй...», «в добровольном порядке...»

Я звоню ей сам. Впервые за месяц. Она принимает вызов после третьего гудка.

— Лариса, ты серьёзно?

— Вполне, — голос её спокоен, чужой. — Я подумала. Так будет лучше для всех.

— Для кого для всех? Для Тани?

— Таня остаётся с тобой. Ты же хотел.

— Я хотел, чтобы у неё была мать.

— А я хотела, чтобы у меня была жизнь! — отрезает она. — Володя, не начинай. Решение принято. Подпишешь бумаги — разойдёмся мирно. Не подпишешь — пойдём в суд. Я заберу дочь, и будешь платить мне алименты до её совершеннолетия. А потом — ей. Не думаю, что она захочет с тобой общаться после моих разговоров о предателе папе. Думай.

Я думаю три дня. Таня ходит в местную школу, молчит, смотрит в окно. Отец лежит на веранде, иногда открывает глаза, смотрит на меня. Один раз говорит:

— Отпусти. Не держи. Такая... не наша.

На третий день я подписываю всё, что прислал адвокат. Отдаю Ларисе квартиру в Краснодаре, машину, счета. Оставляю себе дом в станице, долю в агрохолдинге и Таню.

Адвокат говорит: «Вы зря верите ей, Владимир Иванович.

Она может и дочку забрать. У неё все шансы».

— Не заберёт, — отвечаю, точно зная, о чём говорю. — Она ребёнка никогда не хотела. Ей мужчина нужен, а не дочь.

И оказываюсь прав. Лариса даже не пытается оставить Таню себе. В документах, которые я подписал, чётко обозначено: дочь остаётся с отцом, мать имеет право на встречи. Лариса про встречи не вспоминает.

Через полгода после развода узнаю, что она вышла замуж. За какого-то предпринимателя из Москвы. Уезжает с ним. Тане говорит по телефону: «Мама теперь далеко, но я тебя люблю». Танюша слушает, кивает. А после спрашивает:

— Пап, а почему мама не забрала меня с собой?

Я не нахожусь, что ответить. Обнимаю её. Она уже не отстраняется. Простила.

Сейчас она в школе. Я смотрю на часы — скоро вернётся. Надо успеть приготовить обед. Научила готовить соседка. Говорит: «Мужик без бабы пропадёт». Я не пропал. Но скучно нам с Таней. И тяжело. И пусто.

Выхожу на крыльцо. Солнце уже высоко, золотит верхушки яблонь. Где-то лает собака, где-то стучит калитка. Жизнь идёт своим чередом.

Я смотрю на дорогу, по которой уехала Лариса. И понимаю: мне жалко. Не её. Себя. За то, что сразу не понял, с кем жил. За то, что Тане пришлось повзрослеть раньше времени.

Глава 2

Владимир

Отец лежит на веранде. Я выношу ему завтрак — овсянку, которую он ненавидит, и чай с молоком.

— Сынок, — голос еле слышный. После инсульта прошло полгода, правая рука не шевелится, речь возвращается медленно, по слогам. — Ты бы... женился.

Усмехаюсь. Поправляю одеяло, подтыкаю с парализованной стороны.

— Батя, ты каждый день про одно и то же.

— А ты, — с трудом поднимает левую руку, тычет в меня пальцем, — каждый день... не слушаешь.

Смотрю на него. Крепкий мужик был, а теперь лежит поваленным деревом. Руки-ноги не слушаются. Глаза всё те же — цепкие, умные. Ничего не упускают.

— Таньке мать нужна, — настаивает. — Не нянька... не воспитательница. Мать!

Знаю.

— Найду. Не переживай...

Отец закрывает глаза. Усмехается. Не верит. И правильно. Потому что ищу полгода — всё не то.

В Краснодар ездил, в интернете анкет накидал. Как слышат — станица, дом с хозяйством, отец лежащий, дочь — так сразу лицом меняются. Одна прямо сказала: «Я не сиделка и

не мачеха. Ищи другую». Другая приехала, осмотрелась — через три дня укатила. Городские. Им бы паркет под ногами, кофейни, фитнес. А тут земля, сады, петухи по утрам.

Как-то зашла соседка, попросила ящики под виноград сколотить. Сама всё на меня смотрит, головой качает.

— Ты так и один? А где та, тощая, длинная, что к тебе приезжала?

— Удрала. Городским тут не нравится.

— Володя, ты не там невесту ищешь. У нас в станице своих полно. К свахе иди. Она тебе такую подберёт — и к работе привычную, и которая не сбежит. Свои надёжнее. Я сегодня позвоню Степановне. Договорюсь, когда тебе подойти.

Сваха!.. Мать смеялась над ними, говорила — пережиток прошлого.

Через два дня стою у калитки Надежды Степановны и чувствую себя дураком. Сорок лет мужику, а мнусь, как пацан перед первой дискотекой.

Двор ухоженный. Цветы, дорожки, даже маленький фонтан журчит. Дом новый, с верандой, стол накрыт белой скатертью. Пахнет пирогами так, что слюнки текут. Завтракал три часа назад, а сейчас снова голодный, как пёс.

Из-за забора доносится голос соседки, перекликающейся с кем-то через дорогу. Где-то вдалеке лает собака, потом затихает. В станице утро пахнет яблоками и поздними розами.

— Заходи, заходи, Володенька, — Надежда Степановна выходит на крыльцо, вытирает руки о передник. Полная, ру-

мяная, голос звонкий. — Невеста уже здесь.

Замираю.

— Так быстро?

— А чего тянуть? — тараторит, поправляя платок. — Девка хорошая, хозяйственная. Соседка моя, через два дома. Вдовушка, детей нет. Тебе под стать.

В груди что-то ёкает. Нет. Не под стать. Мне нужна не вдовушка без детей. Мне нужна женщина, которая поймёт, почему я не бросил отца. Которая не испугается и сможет полюбить Таню.

— Заходи, — Надежда Степановна открывает дверь. — Я на кухню, пироги доглядеть. А ты проходи в горницу, она ждёт.

Переступаю порог. Сердце ухает вниз.

У окна, спиной ко мне, стоит девушка. Невысокая, светлые волосы собраны в пучок, платье ситцевое в мелкий цветочек. Оборачивается — и я забываю, зачем пришёл.

Глаза. Большие, зелёные. С хитринкой внутри. Не испуганные — настороженные. Красивые. До дрожи в коленях красивые.

— Здравствуйте, — голос тихий, но в нём стержень. Слышу сразу. Такая не сломается.

— Здравствуйте, — отвечаю, и горло пересыхает. — Я Владимир.

— Софья, — кивает, и в уголках губ появляется лёгкая усмешка. — Тётя сказала, вы жениться собрались.

— Собрался, — выдыхаю.

Смотрит на меня внимательно, изучающе.

— Что вы ищете в жене?

Вопрос не из тех, что задают на первом свидании. Но отвечаю честно. Врать ей не могу.

— Женщину, которая сможет жить в доме с отцом-инвалидом и десятилетней дочкой.

Не моргает. Не отводит взгляд.

— А любовь? — спрашивает прищурившись.

Молчу секунду. Делаю шаг вперёд.

— А вы верите в любовь с первого взгляда?

Усмешка пухлых губ становится шире.

— Не знаю. Никогда не пробовала взять и влюбиться с налёту.

— Попробуем?

Губы сами растягиваются в улыбку. Она смеётся. Легко, звонко.

— Вы странный, Владимир.

— Это плохо?

— Не знаю, — пожимает плечами. — Но посмотреть, кого найдёте, хочется.

Надежда Степановна выглядывает из-за двери, кашляет.

— Ну что, познакомились?

— Познакомились, — говорю, не отрывая взгляда от зелёных глаз. — И я, кажется, нашёл ту, что искал.

Она смотрит на меня, и в её глазах — удивление, расте-

рянность, и что-то ещё.

За окном солнце поднимается выше, заливает комнату светом. Герань на подоконнике кажется огненной, а зелёное платье Софьи — цветом молодой листвы.

— Чаю? — предлагает Надежда Степановна. — Пирогов моих?

— Чаю, — говорю, не отрывая взгляда от Софьи. — И пирогов.

— Тогда проходите на веранду, — она хлопчет, открывает дверь на улицу. — Я сейчас, всё принесу.

Софья идёт к выходу, я пропускаю её вперёд. На веранде пахнет яблоками. В большой тарелке сливы. Виноград оплетает беседку, тяжёлые гроздья свисают почти до земли.

— Красиво у вас, — а сам уставился на смеющиеся губы. Удивляюсь, куда смотрел раньше. Добавляю идиотское: — И чисто.

— У тёти, — поправляет она. — Я здесь проездом.

Вот и ответ, почему не заметил раньше такую красавицу. Уточняю:

— Откуда?

Молчит. Смотрит на сад, на реку, на небо.

— Из Москвы.

— И надолго?

— Не знаю, — поворачивается ко мне, и я вижу, как её глаза темнеют. — Наверное, навсегда.

В её голосе — что-то такое, от чего у меня внутри всё

переворачивается. Не жалость. Понимание.

— Здесь хорошо, — киваю. — Тихо. Свои люди. Никто не лезет.

— Вы здесь родились?

— Да. Потом в город уехал. Вернулся, когда отец заболел.

— А жена? — спрашивает осторожно, будто боится задеть.

— Ушла. Не смогла здесь жить. Развелись.

Софья кивает. Не удивляется, не спрашивает, почему. Принимает как факт.

Надежда Степановна выносит поднос с чашками и пирогами. Пар идёт, аппетитный запах разносится по всей веранде.

— Угощайтесь, — говорит. — Софья, ты Володе пирожок положи.

— Сам возьму, — протягиваю руку, беру с капустой. Откусываю, и на секунду зажимаюсь от удовольствия. — Надежда Степановна, вы волшебница.

— Ой, да что ты, — отмахивается, но довольная улыбка расплывается по лицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.